

«ХОЧУ ВО ВСЕМ СЕБЯ ПОПРОБОВАТЬ...»

Роль Красина, сыгранную в тизовском спектакле «Любовь к электричеству» Виктором Бусаренко, можно горячо принимать, можно — менее горячо оспаривать, но бесспорно одно: «наложилась» она на интересную актерскую личность.

1905 год... Время великого смятения. Одного ведет на подвиг убеждение революционера, другого — романтический порыв, третий бросает на кон честлюбивые страстишки. Таков социальный фон, на котором действует в спектакле революционер Леонид Красин.

Надо ли говорить, как сложны подобные роли: инерция некоего хрестоматийного благоговения давит актеру на психику и подчас держит его в состоянии холодного резонанса. В самом деле, кто такой Красин? Сподвижник Ленина, ответственный техник, финансист и транспортёр партии, возглавивший во время революции 1905 года боевую техническую группу при ЦК РСДРП. Но ведь не «техника» же предстояло сыграть актеру, а показать, во что верили, что любили, за что боролись люди такого масштаба. Предстояло обнажить нравственный, эмоциональный, психологический нерв эпохи, дать импульс в сегодняшний день.

Удалось ли это Бусаренко? Наверное, да. Во всяком случае, в его Красине нам представилась личность социально яркая, крупная. За сдержанностью сценического поведения актера «читается» красинское умение властвовать собой. Вместе с тем нет никакой эмоциональной «стерильности» образа, никакого поучительства — 1905 год подан в спектакле, как великая социальная активизация масс, требовавшая и от революционера-профессионала творчества и еще раз творчества, предельной мобилизации нервов и мысли.

— Очень дорого мне эта роль, — признается Виктор Бусаренко. — Еще когда вышел в свет роман Аксенова, я полюбил Красина, даже подсознательно «примерял» образ к себе, хотя о пьесе вообще не было речи. Когда же ТЮЗ взялся за постановку, а жребий исполнителя главной роли выпал мне, я был настоящему счастлив. Но и понимал, какая это ответственность. Сейчас трудно сказать, сколько я перечитал трудов Ленина, воспоминаний, просмотрел фильмов. Потом пришлось раскрывать все уже в обратную сторону: режиссер Юрий Котов упорно выводил меня из-под гипноза литературного материала: «Иди от себя!». Словом, нелегко наживался этот опыт «нервной клеточки»...

Если уж говорить об опыте такого рода, то накопление его актером идет, наверное, не в разовом порядке, а всю жизнь, и чем интенсивней — тем богаче и много-

цветней проживает он на сцене чью-то судьбу — десятки судеб...

Восемь лет Бусаренко в театре. Но шел к нему с детства, с той, вероятно, поры, когда мама привела дошкольника-сына на первый спектакль и усадила в бархатное тюзовское кресло. Потом были драмкружки, студия, институт искусств. Со второго курса его приглашали в массовки таких спектаклей, как «Хлеб», «Рельсы гудят», «Иван Грозный».

— Я счастлив, что у актерского моего начала стояли режиссеры Басин и Оганесян. Из триединства режиссуры — организатор, толкователь, педагог — последним качеством они владели превосходно. Оба не брезговали возиться со студентом, умели любить — а это так важно! — совсем еще ничего не умеющего, зеленого актера. И потому работа с ними — не только уроки профессионализма, но и серьезная этическая школа.

Становление художника... Какой это счастливый и вместе с тем мучительно-болезненный процесс! У тебя столько энергии, радужно-ярких впечатлений бытия, желания громко заявить о себе и перевернуть весь мир, а тебе в качестве точки опоры дают крошечную рольку или выход в массовке — нарабатывают «школу». В «Деле Артамоновых» Басин специально для 20-летнего Бусаренко придумал роль люмпен-журналиста. Этот кусочек неожиданно вошел «в струю», заиграл в спектакле. Находке потом радовались и актер, и режиссер. Так от сцены к сцене, от эпизода к эпизоду завязывалось нечто, что зовется актерским даром...

В двадцать с небольшим лет Виктор Бусаренко сыграл Жадова в пьесе Островского «Доходное место». О роли спорили. Говорили актеру о неправильной трактовке образа, пренебрежении к традиции...

— Знаете, Жадов, как и Красин, очень мне дорог. Я хотел показать, какая это чистая, честная и ранимая душа, насколько он преждевремен в мире чиновничьего маразма и алчности. Да, такие люди, как Жадов, в итоге оказываются смятыми, нравственно деформированными. Многим же моим оппонентам хотелось видеть в герое бунтаря, едва ли не революционера. Но разве это могло быть закономерно для Замоскворечья в век Островского? Куда важнее, мне кажется, показать сегодня: а какой драгоценной платой расплачивалось когда-то общество за нравственное совершенство будущих поколений...

С Жадовым-Бусаренко можно спорить. Но отказать в позиции нельзя. Тем, наверное, и примечателен художник, что за каждым его образом стоит не Иван Иванович или другой имярек, а тип, позиция класса, прослойки, психология времени.

Поиски позиции — это и есть тернии становления.

А терний в общем-то хватало. Искал. Не всегда находил. Срывался. Отстаивая себя, спорил. Было в этом, может, что-то и от юношеского фрондерства или, как он сам признается, «выкобенивания». Был и уход из театра на какое-то время, и преподавательская работа в институте искусств. Курс сценической речи, который он читал студентам, немало дал и ему самому в профессиональном плане. Еще больше дала стажировка в Ленинграде, в Институте театра, музыки и кино: здесь просмотрел множество отличных спектаклей, многое передушил и переоценил в себе, творчески окреп.

— Последние два года я работаю на тюзовской сцене. У нас хороший, дружный коллектив. И вообще ТЮЗ может многое дать молодому актеру, больше того — именно здесь продуктивней его становление. Я сыграл за это время 12 ролей в самых разных жанрах: зайцы и волки, старики и мальчишки, персонажи добрые и злые, героические и острохарактерные — во всех этих ипостасях хочу себя попробовать. Ведь, если честно, природа отлила меня по типу интеллигентного мальчика в очках с субтильным сложением и несильным голосом. Вот я и разрушаю теперь этот типаж.

Страсть к этому «разрушению» давно перешагнула за рамки театра. Виктор Бусаренко выступает по радио и телевидению, пробует себя в режиссуре (спектакли «Премьера», «Я всегда улыбаюсь» делались им на «паях» с главным постановщиком), в музыкальном оформлении спектаклей в сценах с пением и танцами, — это все тренинг ак-

терского мастерства, собранности, расширение диапазона.

В «Премьере», например, Бусаренко играет руководителя детского драмкружка Иннокентия Михайловича. Он сталкивается в своем герое и увлеченность, и юношеское еще честолюбие, и долг, чтобы высечь потом искру главной мысли спектакля: взрослые, не оставляйте детей на острове одиночества, будьте им друзьями и опорой!

Совсем иной он в «Донне Анне». Эскалатор удачливости чуть ли не с младенчества подхватил его героя — Мишу Кротова — и тащит безостановочно: ученье — легко, мотороллер — пожалуйста, институт — тоже. Этакий иронично-красивый сынок «большого» папы. И вдруг в эскалаторе что-то дает сбой: другие ценности, оказалось, нужны в жизни, и не проходит он здесь по своим супер-меркам... Актер не только в сниженном плане (а это ведь так привычно!) дает своего героя, но и смело идет на обнажение «болевых точек»: душа, которой неведом был опыт страданий ни за себя, ни за других, вдруг впервые съезжилась от боли. И это ошущающее движение — высшая точка актерской игры Бусаренко.

Всего Виктором сыграно 50 ролей. Это уже багаж. Но сказать, что все уже сложилось, обрело законченные формы, нельзя. Да и в сыгранном, наверное, кое-что осталось еще «за кадром». В чем-то, возможно, больше идет «от ума», от логического построения, меньше — от сердца. Не очень доволен он пока и взаимоотношениями со зрительным залом, особенно подростковым и юношеским.

— Жаль, нет еще у многих культуры переживаний. Не хотят принимать трагической или сколь-нибудь серьезной ситуации, ждут чего-нибудь попроще и позабавней. А так хочется постоянно быть в контакте, а не в конфликте со зрителем. Думаю, во многом здесь и учителя виноваты: они приходят в театр наспех, как на вынужденное «мероприятие», сидят в шарфах, шапках, безучастные. Да и мы, театр, наверное, в чем-то не всегда на высоте...

Словом, театр — вечная, непокоренная высота. И нет, наверное, границ для творчества. Но ставить себе «планку» на все большую отметку после каждого нового спектакля — таков удел настоящего актера. Что же касается Виктора Бусаренко, то у него для этого есть немаловажные качества: умение не жаться к стороне, а быть на быстрине жизни, чутко всматриваться, вслушиваться в ее проявления, понимать ее сложности, и тем самым копить материал для построения характеров, типов, мировоззрений. И еще: быть честным. Это лучшее средство от довольства собой, а значит, и роста.

Т. СМЕРНОВА.